

О социальном персонализме

(КЪ КРИТИКЪ «НОВАГО ГРАДА»)

«Лучше нам, чтобы один человек умер за людей,
нежели чтобы весь народ погиб».

(Ю. XI, 50).

1. Мой подход к темѣ будет подходом моралиста, а не политика и не экономиста. Нужно вѣдь иногда разсматривать социальную жизнь и с моральной точки зрѣнія. Ш. Пеги дѣлал основное различіе между «мистикой» и «политикой», не совпадающее с традиціонным употребленіем этих терминов. Различіе между «мистикой» и «политикой» почти совпадало у него с различіем между правдой и ложью, между отношеніем по существу и приспособленіем. Извѣстно, что Пеги очень сочувствовал Жоресу, пока думал, что его социализм есть «мистика», и перестал ему сочувствовать и порвал с ним, когда увидѣл, что социализм Жореса есть «политика». Вот я и хочу подойти к своей темѣ с точки зрѣнія «мистики», а не «политики». Я многому сочувствую в «Новом Градѣ» и сам в нем участвую. Но мнѣ думается, что «Новый Град» допускает слишком большую автономію экономики и политики. Он не достаточно этизирует и християнизирует экономику и политику, недостаточно оцѣнивает социальный процесс с точки зрѣнія християнской цѣнности человеческой личности, которая должна занимать высшее мѣсто в іерархii цѣнностей. Между тѣм как в нашу эпоху мнѣ представляется это самым главным. Борьба за духовныя цѣнности есть борьба за верховную цѣнность человеческой личности, которая есть образ и подобіе Божіе на землѣ. Она не может быть превращена в средство и орудіе для хозяйственного развитія, для мощи государства, для національнаго величія, для социальнаго коллектива и т. п. Человек имѣет непреодолимую склонность к идолотворенію и он создает идола

государства, нации, социального коллектива, техники, которым приносит кровавые человеческие жертвы. Дело идет не о том, чтобы отрицать ценность государства, нации, хозяйства, техники и пр., а о том, чтобы признать их ценностями относительными и подчиненными человеку, имѣющими не субстанциальное, а функциональное значение. Это по-моему есть основное требование христианства, которое христиане склонны часто забывать. Живой человек стоит выше государства, общества, нации, хозяйства. Все эти ценности допустимы лишь как функции его жизни, как его собственные качественные содержания, которыми он должен овладеть. В нашем греховном мире наиболее ценное вовсе не обладает наибольшей силой. Скорее наоборот: наибольшей силой обладает грубая материя, наименьшей силой обладает Бог. Государство всегда обладает большей силой, чем человеческая личность, но это именно потому, что оно есть ценность меньшая, а не большая. Общество есть очень большой круг, в который личность вставлена, как очень малый круг, и личность представляется подавленной обществом и от него зависящей. Но с точки зрения иерархии духовных ценностей не личность, а общество есть часть личности, лишь одно из ее содержаний, и глубина личности, заключенная в ней духовная безконечность для общества непроницаема. Рассмотрение социальной жизни с точки зрения верховной ценности человеческой личности совсем не есть рассмотрение с точки зрения натурального порядка вещей, с точки зрения натуралистической социологии и ее мнимых законов, наоборот это есть рассмотрение вопреки натуральному порядку и социологическим законам. Так национализм, который сейчас все еще терзает мир и грозит великими бедствиями, есть натурализм, отрицающий духовную иерархию ценностей, есть языческий натурализм внутри христианства. То же самое нужно сказать об элитизме, который всегда есть проявление силы вопреки иерархии ценностей. Национализм есть явление глубоко анти-христианское, есть проявление бессознательных коллективных инстинктов, которые не просвѣтляются, а рационализируются и утилизируются. Необходимо свергать идолов во имя живого Бога и живого человека. Таковы идолы государства, нации, хозяйст-

венной мощи, технического совершенства и пр. Идолотворение в новое время происходило под знаком автономии. Какая-нибудь сфера человеческой жизни и человеческой активности сначала дѣлается автономной, отрывается от духовнаго центра, т.-е. секуляризируется, а потом незамѣтно переходит в высшую святыню и идола. Государство давно уже перестало быть священным и теократическим, и это хорошо, конечно. Но для многих, потерявших вѣру в живого Бога, оно стало священным и даже божеством. То же нужно сказать и о націонализмѣ, который для многих есть единственная оставшаяся религія. Многие в русской эмиграціи исповѣдуют православіе не как вселенскую истину, а как составную часть національно-государственнаго могущества и славы, т.-е. как языческую родовую религію. Наконец, в коммунизмѣ появляется новая и предѣльная форма идолотворенія — обоготвореніе социальнаго коллектива. И всѣ идолы требуют себѣ человеческих жертвоприношеній. Вот миф и представляется, что «Новый Град» недостаточно борется с идолами, слишком допускает автономию, особенно автономию хозяйства, недостаточно борется за христіанское пониманіе жизни, которое в своей очищенности от поработающих социальных впушеній, есть персоналистическая революція. В мірѣ еще должна быть совершена великая и небывалая революція — революція во имя человеческой личности. Это и есть вѣчная христіанская революція. И она не только не означает того, что в XIX и XX вѣкѣ называют «индивидуализмом», но полярно противоположна ему и требует сверженія этой лжи. Индивидуализм в хозяйственной жизни как раз и уничтожает личность. Индивидуализм на практикѣ приводит, как это ни парадоксально звучит, к господству зла над частью, к рабству человека, как части.

2. Обсуждается вопрос, можно ли и должно ли возстановить капитализм в Россіи, необходимо ли Россіи еще пройти через капиталистическій період. Можно подумать, что мы живем в 90-х г.г. прошлаго вѣка, в эпоху споров марксистов и народников. Я хорошо помню, как марксисты, тогда еще переживавшіе свой медовый мѣсяц, раздирались мучительным нравственным противорѣчіем, которое потом удалось преодолѣть

только большевикам. Марксисты считали капитализм злом, несправедливостью и эксплуатацией. Весь их нравственный пафос был связан с борьбой против капитализма за освобождение рабочего класса, они вели антикапиталистическую пропаганду среди рабочих. И вместе с тем они думали, что Россия должна пройти через период капиталистического развития и должны были способствовать этому развитию, т.е. пролетаризации крестьянства и эксплуатации рабочих при капиталистическом способе производства. Если тогда создавался нравственный конфликт, ибо человек не может сознательно способствовать тому, что он считает злом, несправедливостью и эксплуатацией, то в наше время этот конфликт еще сильнее, если судить по существу, а не по эмоциональной реакции против большевиков. В наше время капиталистическая система трещит по всем швам во всем мире, и выясняется ее объективная нецелесообразность и нелепость. Говорить о восстановлении в России капитализма значит говорить о том, что после периода изоляции России в коммунизм должен наступить период изоляции России в капитализм. И кого может это вдохновить? Вдохновлять можно только идеями молодыми и свежими, а не изжившими себя и отцветшими. Экономический либерализм и основанный на нем капитализм мог нравственно вдохновлять лишь в ту эпоху, когда еще вѣрили в естественную гармонию интересов. Но кто в это вѣрит сейчас? В России революция большого стиля могла совершиться под знаком коммунистической идеологии именно потому, что идеологии либерально-демократической, породившая капитализм, была в мировом смысле изжита и не могла вдохновлять. Экономисты, вѣрящие в существование экономических законов, могут доктринерски обсуждать вопрос о том, будет ли восстановлен в России капитализм, но с христианской точки зрения этого вопроса нельзя даже ставить. Капитализм есть безбожное и безчеловѣчное отношение человека к человеку, это есть прежде всего категория моральная, а не экономическая. Маркс дал определение капитала, которое очень удивило и даже возмутило экономистов. Он определил капитал, как общественные отношения людей в производствѣ. Капитал не есть предметная, вещественная реальность, он есть отношение лю-

дей. Маркс расплавил неподвижныя, овеществленныя, экономическія категоріи, призналъ их историческими. За экономическими категоріями, за товарами скрыты живые люди, их труды, их борьба, скрыты отношенія людей. Хозяйственная жизнь не имѣет под собою никакой экономической субстанции, вещественной субстанции, ея субстанціей являются люди и классы, человѣческій труд и борьба. Капитализм превращает людей в товары и видит отношенія товаров там, где есть отношенія людей. Такое пониманіе капитала и капитализма есть самое замѣчательное открытіе Маркса, огромная его заслуга. Это открытіе существенно противорѣчит матеріализму Маркса, ибо матеріализм то все и овеществляет, не видит актов живых людей и их живых отношеній. Капитализму противоположно персоналистическое міровоззрѣніе, а персонализм есть антипод матеріализма. То, что открывается Марксом о капиталистической системѣ, соответствует экзистенціальной философіи, а не матеріалистической философіи. Ибо экзистенціальная философія видит за міром объектов, вещей, товаров, человѣческое существованіе, человѣческія отношенія, человѣческую судьбу. Самое понятіе труда принадлежит экзистенціальной философіи. Матеріализм же Маркса, как всякій матеріализм, принадлежит буржуазному міру, міру вещей и товаров, экономических категорій, матеріальных предметов. Это там, в этом буржуазном, капиталистическом мірѣ экономика детерминирована жизнью людей. Освобожденіе от буржуазнаго капиталистическаго міра есть освобожденіе человѣческаго существованія от власти вещей и предметов, от детерминированія жизни экономикой. Желать возстановленія капитализма в Россіи значит желать безнравственных отношеній людей, превращенія людей в товары, превращенія человѣческаго существованія в орудіе вещнаго, предметнаго, матеріальнаго міра. Это несоединимо с христіанским отношеніем к жизни. Христіане бывали чѣм угодно в исторіи, они оправдывали рабство, тиранію и угнетеніе человѣка человѣком. Но я говорю сейчас о самом христіанствѣ и о чистой, первородной христіанской совѣсти. Всякій разговор о капитализмѣ противорѣчит также русскому пониманію соціальной правды, как оно выразилось в сознаніи XIX вѣка, протививо-

рѣчит русской традиціи. Мы живем в универсалистическую эпоху и именно в эту эпоху русскій народ может сдѣлать свой творческій вклад. Вопрос о Россіи нельзя разсматривать изолированно от міра.

3. Один экономист как-то сказал мнѣ: мы экономисты — всѣ безбожники, наша наука безбожная. В этой полу-шутливой формѣ была высказана серьезная мысль. Экономическая наука с ученіем об экономическом человѣкѣ и экономических законах возникла на почвѣ обезбоженія соціальной жизни, безбожной автономіи хозяйства. Автономія хозяйства и есть его безбожіе. Капитализм и есть безбожное хозяйство, не подчиняющееся уже никаким религіозным и нравственным началам. Жертвой этого безбожнаго хозяйства падает значительная часть трудящагося человѣческаго общества, лишь очень немногіе получают привилегированное положеніе именно на почвѣ этого безбожія и от него. Общество формируется так, что жертвой автономнаго капиталистическаго хозяйства падает рабочій класс, лишенный орудій производства и принужденный продавать свой труд, как товар. Соціологически это вѣрно, но этически эту формулировку нужно измѣнить, ее нужно углубить. Жертвой безбожнаго автономнаго хозяйства падает человѣческая личность, живая человѣческая личность. Если нас волнует и возмущает положеніе рабочаго класса в капиталистическом строѣ, то потому, что тут страдает и унижается человѣческая личность рабочаго. С этической точки зрѣнія рабочій класс есть абстракція, он не имѣет чувствилища для страданія и радости, страдает и радуется человѣк в рабочем классѣ, а не рабочій класс. И если марксизм помнит только о рабочем классѣ и забывает о человѣкѣ, то потому что он находится во власти абстракцій. В капиталистической системѣ страдает и унижается не только личность рабочаго; но и всякая личность, и личность самого капиталиста, который находится во власти фикцій, извращающих его жизнь и не дающих ему радости. Капиталист сплошь и рядом бывает мучеником. Страдают, хотя и в разной степени, всѣ классы, повсюду затемняется и искажается образ человѣка. Нѣтъ ничего двусмысленнѣе и циничнѣе понятія хозяйственной свободы, свободы укоренившейся в

капиталистически-демократических обществах. Об этом я уже не раз писал и не хочу повторять себя. Совершенно невѣрно и вредно противоплагать этому принципу свободы принцип насилия и принужденія. Русскіе так запуганы насиліем коммунизма, что они готовы взывать к тому, чтобы банкиры дали им свободы, и готовы возложиться на банкиров, даже не питая к ним особенной склонности. В дѣйствительности формальной свободѣ либерализма, свободѣ лживой и фиктивной, свободѣ немногих нужно противоплагать реальную свободу, свободу для каждаго человѣка, для каждой человѣческой личности, которой должна быть предоставлена реальная возможность осуществлять свою свободу. Так называемому индивидуализму XIX вѣка нужно противопоставить не отрицаніе личности и не подчиненіе ея государству и обществу, а именно утвержденіе личности, каждой человѣческой личности, которая раздавлена и нивелирована этой не реальной, фиктивной индивидуалистической системой. Индивидуализм капиталистическаго общества никогда не утверждал цѣнности человѣческой личности и не защищал ея достоинства, он интересовался не человѣком, а «экономическим человѣком», потому что «экономическій человѣкъ» выгоден для экономической экспансіи и экономической мощи. Верховной цѣнностью признавалась хозяйственная мощь государства и націи, экономическое развитіе, а не человѣческая личность. Но согласно капиталистической идеологій для экономического блага и гармоніи цѣлаго выгодно, чтобы человѣкъ, «экономическій человѣкъ», руководствовался в хозяйственной жизни личным интересом и был совершенно автономен в хозяйственной инициативѣ. Тут человѣкъ, обладающій хозяйственной свободой и автономіей, необходим хозяйству, а не наоборот, человѣкъ для хозяйства, а не хозяйство для человѣка. В этом вѣдь сущность капиталистической системы, которая не в силах привести в соотвѣтствіе производство с потребленіем. Отсюда нельзя дѣлать вывода, что мы должны выставить потребительскій идеал. Творческая инициатива человѣка представляет большую цѣнность, чѣм потребленіе, но эта творческая инициатива цѣнна не как средство для производства, а как обнаруженіе творческой природы человѣка и как служеніе людям.

Автономія экономического человѣка выгодна для производства, производство же не имѣет в виду человѣка, оно существует для себя. Защита свободы в этих «индивидуалистических» и «свободных» обществах есть всегда защита эксплуатирующих и насилующих, никогда не эксплуатируемых и насилуемых. Реальная свобода большей части человечества нисколько не защищена. Капиталистическая система не регулирует хозяйство во имя цѣлаго, в этом смыслъ она анархична, но было бы заблужденіем думать, что она защищает часть против цѣлаго. В ней все двусмысленно и все, что говорится, не соответствует реальностям. В болѣе глубоком смыслѣ можно сказать, что в капиталистической системѣ цѣлое, анонимное, безликое хозяйство, автономная мощь экономики господствует над частями, если под частями имѣть в виду людей. Эта система поддерживает ложную идею, что отношеніе личности и общества есть отношеніе части и цѣлаго. Но личность не есть часть чего-либо, не есть часть общества и міра, она сама есть цѣлое. Ограниченіе хозяйственной свободы, хозяйственной автономии «экономического человѣка» нужно совсѣм не во имя государства и общества, не во имя «цѣлаго», а во имя личности, во имя верховной цѣнности личности, ея реальной свободы, ея экономических прав на достойную жизнь. Хозяйственная свобода экономического человѣка вполне совпадает с крайними формами этатизма. Ограниченіе же этой свободы экономического человѣка должно идти против всякаго этатизма. Государственники и націоналисты обычно бывают сторонниками хозяйственной свободы, это даже единственная свобода, которую они согласны предоставить человѣку, находя ее выгодной для государственной и національной мощи. Но «экономического человѣка» нужно ограничить во имя человѣка, во имя цѣлостнаго человѣка, во имя реальной свободы человѣка. Настоящая цѣль не свобода экономики, а свобода от экономики. Этически нужно выставить принцип обратный тому, который выставляют либералы и индивидуалисты в социальном-политической жизни, они же сплошь и рядом этатисты и націоналисты. Они говорят: личности должна быть предоставлена полная хозяйственная свобода и автономія хозяйственной инициативы, она должна руко-

водствоваться в хозяйственной жизни личными интересами, это выгодно для цѣлаго, для процвѣтанія государства, для національнаго могущества, это даже единственная возможность достигнуть максимума производства. Тут, конечно, высшей цѣнностью является государство, національная мощь, производство, а не человек, не личность. Мы же говорим: личность в своей хозяйственной дѣятельности совсѣм не должна быть «экономическим человеком», совсѣм не должна быть за ней признана хозяйственная автономія, она должна руководствоваться в хозяйственной дѣятельности не личным интересом, а социальным служеніем сверхличной цѣли, общество же должно быть организовано так, чтобы верховная цѣнность личности, всякой личности, а не самого общества, государства или націи, было его принципом. Это значит, что социализація хозяйства, преодоленіе хозяйственнаго индивидуализма должно совершаться не во имя общества, а во имя личности, во имя того, чтобы личности было гарантировано пользованіе реальной, а не формальной свободой. Личность должна думать об обществе, о других, общество же должно исключительно думать о личности. Свобода не может существовать лишь для привилегированной группы, она должна существовать для всѣх, т.-е. для всякой личности. Но эта свобода именно и предполагает ограниченіе хозяйственной свободы, ибо эта свобода опасна для огромной массы человеческих личностей. Принципом должно быть не права государства или общества, а экономическія права личности, предполагающія социализацію. Безбожное капиталистическое хозяйство порождает из своих нѣдр коммунистическое хозяйство. Марксизм есть продукт капитализма и на нем лежит печать его духа. Маркс вѣдь тоже повѣрил в «экономическаго человека» и придал ему универсальное значеніе. Ученіе Маркса вышло из автономнаго капиталистическаго хозяйства и буржуазной политической экономіи. Но тут происходит діалектическая метаморфоза. Хозяйство коммунистическое не подчинено духовным и моральным началам, но оно не есть уже автономное хозяйство, оно само становится священным началом, оно не подчинено Богу, но само становится богом. И если капиталистическое хозяйство существует совсѣм не для человека,

не для личности, то и коммунистическое хозяйство существует совѣм не для человѣка, не для личности. Наоборот, человѣкъ, личность существует для коммунистическаго хозяйства. Оно измѣняет мотивацию хозяйственнаго труда, который становится социальным служеніем, но в отношеніи к человѣческой личности оно совершенно подобно капиталистическому хозяйству. Это есть крайняя форма этатизма, что Маркс не вполнѣ предвидѣлъ, и государственнаго капитализма. Соціалистическое хозяйство должно быть полярно противоположно государственному капитализму, оно должно исходить из верховной цѣнности человѣческой личности, для него интересы самих трудящихся, производителей стоят выше интересов мощи государства, хотя бы социалистическаго и коммунистическаго государства.

Для христіанскаго сознанія персонализм обязателен уже потому, что человѣкъ, личность есть образ и подобіе Божіе и предназначен для вѣчной жизни, а не государство, нація, социальный коллектив. Христос страдал и умер на крестѣ для спасенія всякой человѣческой личности, а не государства, націи, социальных коллективов, которые Его и распяли. Царство Божіе есть общество, но общество персоналистическое, ни в чем не похожее на наши общества, государства и націи. Всѣ государственныя и націоналистическія идеологіи носят юдаистически-языческой характер. Христіанство соединимо лишь с социальным персонализмом. Вѣчный конфликт христіанства и государства виден на слѣдующем примѣрѣ. Можно ли сознательно казнить невиннаго для спасенія и величія государства? Государство отвѣчает «да», оно всегда казнило невиннаго и всегда будет казнить, всякое государство так поступает, в этом его демонская природа. Христіанство отвѣчает «нѣтъ». И оно так отвѣчает не по соображеніям отвлеченной справедливости, а прежде всего потому, что Христос был казнен именно по тѣм мотивам, по которым государство отвѣчает «да» на поставленный вопрос. Каіафа сказал: «Лучше нам, чтобы один человѣкъ умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб». (Іо. XI, 50). Государство и христіанское государство всегда говорят то, что сказал Каіафа. Христіанство в своей незапятнанной сущности

есть вѣчная персоналистическая революція в мірѣ. Когда оно переставало ей быть, оно приспособлялось к міру, падало само и вызывало от себя отпаденія.

4. Когда в нашу эпоху критикуют демократію, то защитники демократіи думают, что эта критика исходит от фашизма или от коммунизма и во всяком случаѣ означает усиленіе государства, этатизм, умаленіе личных прав. Характер эмоциональных реакцій нашей эпохи таков, что он заставляет забывать, что критика демократіи возможна с совершенно противоположной стороны, со стороны личности и против этатизма, который в своеобразной формѣ очень силен в демократіи. «Новый Град» провозглашает себя борцом за высшія цѣнности личности и свободы. И по истинѣ цѣнности эти должны быть признаны высшими и вѣчными. Но «Новый Град» дѣлает большую ошибку, связывая цѣнности личности и свободы с преходящими принципами либерализма и демократіи, слишком сближая права человѣка с правами гражданина. Вѣчныя цѣнности свободы и личности, неотъемлемых прав человѣка имѣют прежде всего духовный, христіанскій источник, а не французскую революцію и формальныя демократіи XIX и XX в.в. Думать, что либерально-демократическая идеологія и особенно практика и есть обоснованіе и выраженіе принципов личности и свободы, есть по моему большое заблужденіе.¹⁾ Либерально-демократическая идеологія есть идеологія исключительно общественная, игнорирующая глубину личности, она совсѣм не экзистенціальна, для нея личность получает свободу от общества, она знает гражданина, но не знает человѣка.

Демократія провозглашает права отвлеченнаго гражданина, а не конкретнаго человѣка. Демократія учит о суверенитетѣ народа и она принуждена признать примат общества над личностью. Либерализм есть извращеніе и компрометированіе принципа свободы, он на практикѣ означает уничто-

1) Испанскій философ Ортега очень остроумно говорит, что источником подлиннаго либерализма, если под ним понимать дѣйствительную свободу, является не французская революція и не демократія, а средневѣковой феодализм, средневѣковой замок, гдѣ личность была свободна от власти государства и общества.

женіе реальной свободы человеческой личности во имя формальной, отвлеченной свободы. Либерализм в жизни социально-экономической настолько скомпрометирован и изобличен, что о нем не стоит и говорить, он означает защиту экономических привилегій и угнетеній, от которых страдает личность, что для нас только и интересно. Современные защитники демократіи думают, что они защищают личность и личную свободу от власти государства, от посягательств государства, от того Левіафана, который возстает в образѣ коммунизма и фашизма. Но проблема сложнѣе. Во французской мысли очень принято думать, что французская революція усилила государство и ослабила общество. Якобинская демократія, на принципах которой базируется и сейчас господствующая во Франціи радикальная партія, есть, конечно, форма этатизма, и принцип личности и свободы имѣет для нея совсѣм особый смысл. Личность есть прежде всего избиратель, свобода есть народное представительство, парламент. Тибодэ в своей недавно вышедшей книгѣ «Les idées politiques de la France» в наиболѣе удачной главѣ о радикальной партіи показывает, что это прежде всего партія государственной формациі душ в извѣстном міросозерцаніи в идеологии либрпансерства и масонства, партія прежде всего педагогическая и, если улогреблять модное евразійское слово, идеократическая. Суверенное государство навязывает душам свое міросозерцаніе. Существует личность, которая рассматривается, как атом, по своим формальным правам равный остальным атомам, как гражданин-избиратель, и государство, суверенная нація. Свободных же общественных организаций, корпораций на ряду с государством не существует. Это міровоззрѣніе так вкоренилось во Франціи, что оно затрудняет образование даже пѣвческих или пожарных обществ. Рабочіе синдикаты с большим трудом пробилась в этом строѣ. Верховным принципом является нація, а не личность и свобода. Французскій націонализм происходит от французской революціи, от идеи верховенства націи. Государство, основанное на суверенной націи, поглощает общество, общество же поглощает личность. Свобода есть прежде всего общественная свобода. Блага свободы, которыя во Франціи несомнѣнно существуют, есть

скорѣе результат культуры народа, чѣм идеологіи ея государственнаго строя. В Англіи было нѣсколько иначе именно потому, что провозглашеніе свободы, прежде всего свободы совѣсти, связано было с религіозной реформаціей. Но по настоящему не могут быть утверждены права личности и свободы, если держаться принципа суверенитета націи. Суверенитет націи есть форма этатизма и оставляет личность беззащитной. И замѣчательнѣе всего, что этот суверенитет націи оставляет личность экономически беззащитной и необезпеченной. Принцип личности должен быть утвержден, как принцип духовный, христіанскій, не зависящій от общества и от исключительной связи с организаціей общества, не только как граница власти общества над личностью, но как отрицаніе всѣх общественных идеологій, которыя разсматривают личность, как часть общества. Общество есть часть личности и малая часть. Выше и глубже общества — общеніе, но общеніе есть категорія духовно-религіозная, а не соціологическая, общеніе есть общеніе личностей, вошедших в порядок бытія духовнаго, который и есть истинная Церковь. Огромное значеніе для утвержденія принципов личности и свободы имѣет принципиальный дуализм общества духовнаго и природнаго, ограничивающій власть государства и природнаго общества над личностью. Всякая монистическая система смертельна для личности и свободы. Защита того, что я называю соціальным персонализмом и в чем вижу христіанскую правду, предполагает отрицаніе принципа суверенитета не только в том смыслѣ, в каком его утверждают общества теократическія и монархическія, но и в том смыслѣ, как его утверждают общества демократическія и соціалистическія. Моя точка зрѣнія может быть названа соціализмом рѣзко персоналистическим. Это есть прежде всего установленіе іерархіи цѣнностей. Такой установки требует сознательно-религіозное и нравственное отношеніе к соціальной жизни. И установка этой іерархіи цѣнностей совсѣм не зависит от оптимистической вѣры в легкую реализуемость правды в соціальной жизни, сам я скорѣе склонен к пессимизму. Христіанство есть абсолютная революція и оно создает трагическій конфликт с этим міром, который стремится приспособить его

к себѣ. Но я все равно должен дѣлать то, в чем я вижу правду. Это есть прежде всего борьба за извѣстное міросозерцаніе и за духовное перевоспитаніе душ. Как принцип, допустимо и желанно такое воспитаніе душ, при котором верховной цѣнностью будет признано не государство, не нація, не хозяйство, не общество, а человѣческая личность, выше которой стоит только Бог и Царство Божіе; все же остальное ей функционально подчинено.

Б. Я бы еще поставил в упрек «Новому Граду» недостаточное сознаніе универсалистическаго характера эпохи. Сейчас невозможно разсматривать изолированно судьбы стран, народов и культур и менѣе всего можно разсматривать изолированно русскую судьбу. Сейчас мы присутствуем при судорогах умирающаго націонализма, который перед смертью может надѣлать еще много бѣд. Сейчас все становится мировым, ввергается в мировой круговорот. Происходит объединеніе человечества, новое рожденіе единства человечества. И Россіи суждено в этом сыграть немалую роль. Русскому сознанію XIX вѣка был свойствен универсализм, всечеловѣчность, и универсализм есть русская традиція. Русскій коммунизм лишь подтверждает универсализм русскаго призванія, хотя и в извращенной, больной, мучительной формѣ. Национализм не русское явленіе, скорѣе западное и націоналистическія идеологіи — измѣна великой русской традиціи. Это явленіе провинціальное и второстепенное, оно было всего характернѣе для русских нѣмцев. Я убѣжден, что національным государствам приходит конец, хотя перед смертью они могут еще проявить себя в зловѣщих формах. Но мір идет к сверхнаціональной федераціи, к преодолѣнію принципа суверенитета національных государств. Национальности останутся лишь как культурныя индивидуальности. И это есть благо, это желанно. С націонализмом необходимо бороться, он несовмѣстим с христіанством, противоположен христіанству. Необходимо бороться за преобладаніе социальнаго над національным. Нѣмецкій націонал-соціализм есть лживое явленіе, в нем «соціальное» есть лишь демагогія и способ воздѣйствія на массы, существенно же лишь «національное» и «расовое». И этим обнаруживается его антихристіанская, язы-

ческая природа. Тоже в фашизмъ. Тоже в евразійствѣ. Национализмъ французскій носитъ другой характеръ, онъ связанъ съ революціоннымъ принципомъ верховенства націи, онъ менѣе натуралистически обосновывается. Но онъ тоже совершенно антихристіанскій. Национализмъ англійскій дѣлаетъ эксплуататорами даже рабочихъ въ отношеніи къ колоніямъ, къ народамъ не-европейскимъ. Националистическое перерожденіе большевизма, которое видятъ въ правящемъ, бюрократическомъ слоѣ и которое многихъ радуетъ въ эмиграціи, мнѣ представляется самымъ зловѣщимъ исходомъ русской революціи, новой формой имперіализма. Даже въ «интернаціонализмѣ» есть больше правды и русской правды, хотя и связанной съ ложнымъ міросозерцаніемъ. Христіанство въ исторіи постоянно приспособляли къ языческому партикуляризму и искажали ему въ угоду. Только освободившись отъ этого постыднаго приспособленія, отъ этой отрицательной социальной зависимости, христіанство можетъ стать духовной основой для осуществленія лучшей жизни, въ которой будетъ больше социальной правды. И это менѣе всего будетъ означать отрицаніе національнаго лица и національнаго призванія.

Въ заключеніе скажу, что задача, передъ которой мы стоимъ, есть прежде всего задача христіанскаго перевоспитанія души, созданія новой душевной структуры. Русскій коммунизмъ тоже вѣдь считаетъ главной задачей задачу перевоспитанія, формированія души. Это не можетъ не имѣть послѣдствій социальныхъ и прежде всего экономическихъ. Необходима духовная революція, именно революція, а не эволюція, такъ какъ рѣчь идетъ о смѣнѣ самыхъ принциповъ и основъ жизни. Мы стоимъ передъ неизбѣжностью создать новую психологію труда, новую экономическую психологію. Невозможно опираться на старую мотивацию труда, которая всегда была связана съ той или иной формой рабства. «Свободный» трудъ въ капиталистическомъ обществѣ по своей мотивации рабскій, онъ опредѣляется угрозой голода и гибели, онъ обращаетъ человѣка въ орудіе производства. Буржуазные экономисты продолжаютъ пугать, что процессъ производства, экономическое развитіе прекратится, если мотивомъ труда не будетъ личный интересъ, такъ какъ человѣкъ есть существо, неспособное руководствоваться въ своей хозяйственной жизни социальнымъ

служением. Это есть абсолютизация «экономического человека», как неизменной человеческой природы. Но было время, когда «экономического человека» не было и будет время, когда он исчезнет. Человек может меняться, и это зависит от его религиозной психологии и религиозного воспитания. Христианство не может основать своего идеала социальной жизни, своего идеала хозяйственного развития принципиально на грѣхѣ. Грѣх фактически всегда существует в хозяйственной жизни, как он существует в жизни пола. Христианам не приходит в голову обосновывать брак и семью на развратѣ. Но вопли допускаются обоснование хозяйства на грѣховных инстинктах и влечениях, на грѣховном отношеніи человека к человеку. Только социальный персонализм по самому принципу своему не кладет грѣх и грѣховное отношеніе человека к человеку в основу социальной жизни. И потому только он соединим с христианством.

Соотношеніе между обществом и человеком, между хорошим обществом и хорошим человеком основано на непреодолимом парадоксѣ. Когда общество бывало плохим, человек бывал хорошим, по крайней мѣрѣ хорошим был человек угнетенный, хорошим был трудовой народ. Когда общество стало хорошим, человек стал плохим, плохим стал бывший угнетенный человек, плохим стал народ, получившій всѣ права. Я думаю, что по принципу своему коммунистическое общество лучше старорежимнаго русскаго общества. Но насколько хуже стали трудящіеся, рабочіе и крестьяне. хуже стал народ, раньше угнетенный, теперь пришедшій к власти. Сравните современную французскую литературу с литературой 30-х годов прошлаго вѣка, с В. Гюго, с Ж. Занд и др. Тогда человек был хорошим, бывал героическим человеком, особенно человек из народа, общество же было плохим. Теперь общество стало хорошим, демократическим обществом и, вѣроятно, скоро будет социалистическим обществом, человек же стал плохим, отвратительным человеком. Об этом только и говорит современная литература, она изображает человека, в котором уже нѣтъ образа и подобія Божія. Этот парадокс во всей остротѣ ставит проблему отношенія между обществом и человеком, человеческой личностью. Приближающееся к совершенству общество забы-

вае о челоѣкѣ. Между тѣмъ какъ мѣриломъ совершенства можетъ быть лишь отношеніе къ челоѣку. Утопія совершеннаго общества, въ которомъ не будетъ жертвеннаго и героическаго челоѣка, вольно несущаго крестъ жизни, есть антихристіанская утопія. Но было бы страшнымъ соблазномъ сдѣлать отсюда выводъ, который часто дѣлали христіане въ исторіи, что не нужно создавать лучшаго; болѣе совершеннаго общества. Самое большое искушеніе и испытаніе, которое предстоитъ еще челоѣку и особенно христіанскому челоѣку, это искушеніе и испытаніе совершеннымъ обществомъ, и челоѣкъ долженъ на него итти.

Николай Бердяев.